
pocket**book**

rocket**book**

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Макулатура

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski

PULP

Copyright © 1994 by Linda Lee Bukowski
Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc

Перевод с английского *Виктора Гольшера*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Буковски, Чарльз.

Б90 **Макулатура / Чарльз Буковски ; [пер. с англ. В.П. Гольшева]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 208 с.**

ISBN 978-5-04-090800-4

«Макулатура» — последний роман Буковски, его лебединая песня — читателям без чувства юмора просто противопоказана!

Это действительно особый род стеба, посвященный «плохой литературе». Сам сюжет книги лишен динамики, лишен интриги, лишен всего, но именно поэтому бесконечно гениален. Главное достоинство «Макулатуры» — стиль повествования. Описания и диалоги романа переполнены атмосферой грязи, насилия и страха. При этом Буковски буквально каждым предложением пародирует подлинное бульварное чтение. И хотя авторский стиль упрощен донельзя — хочется отметить потрясающее чувство юмора, которое обязательно придется по вкусу читателям, этим чувством обладающим.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольшев В., перевод
на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090800-4

Посвящается плохой литературе

1

Я сидел в своем кабинете, аренда кончилась, и Маккелви уже начал процедуру выселения. Стояла адская жара, кондиционер не работал. По моему столу ползла муха. Я протянул руку и ладонью выключил ее из игры. Вытер руку о штанину, и тут зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Да?

— Селина читали? — спросил женский голос.

Он звучал чувственно. У меня давно никого не было. Годы.

— Селин, — сказал я. — Хмм.

— Я разыскиваю Селина, — сказала она. — Он мне нужен.

Такой чувственный голос, меня прямо разбирало.

— Селин? — сказал я. — Дайте мне какие-нибудь сведения. Поговорите со мной, леди. Не молчите...

— Застегнитесь, — сказала она.

Я посмотрел на брюки.

— Как вы узнали? — спросил я.

— Неважно. Мне нужен Селин.

— Он умер.

— Нет. Найдите мне его. Он мне нужен.

— А если я найду только кости?

— Нет, дурак, он жив!

— Где?

— В Голливуде. Я слышала, что он крутится возле книжного магазина Реда Колдовски.

— Так почему вы сами его не найдете?

— Во-первых, я должна быть уверена, что это в самом деле Селин. Я должна знать это наверняка.

— Но почему вы обратились ко мне? В городе сотни детективов.

— Вас рекомендовал Джон Бартон.

— А-а, Бартон, ну да. Послушайте. Мне нужен какой-нибудь аванс. И я должен встретиться с вами лично.

— Буду у вас через несколько минут, — сказала она.

Она повесила трубку. Я застегнул ширинку. И ждал.

2

Она вошла.

То есть я хочу сказать — это просто нечестно. Платье обтягивало ее так, что чуть не лопалось по швам. Перебирает с шоколадками. А каблук такие высокие, что смахивают на ходульки. Она шла как пьяный калека, ковыляла по комнате. Головокружительная роскошь тела.

— Садитесь, леди, — сказал я.

Она села и закинула ногу на ногу, черт-те куда, чуть не вышибла мне глаз.

— Приятно видеть вас, леди, — сказал я.

— Пожалуйста, перестаньте пялиться. Ничего для себя нового вы не увидите.

— Тут вы не правы, леди. Можно узнать ваше имя?

— Леди Смерть.

— Леди Смерть? Вы из цирка? Из кино?

— Нет.

— Место рождения?

— Это несущественно.

— Год рождения?

— Не пытайтесь острить...

— Просто хочу получить какие-то сведения...

Я как-то смешался, стал глядеть ей на ноги. Ноги для меня — первое дело. Это первое, что я увидел, когда родился. Но тогда я пытался вылезти. С тех пор я стремлюсь в обратную сторону, но без большого успеха. Она щелкнула пальцами.

— Эй, очнитесь!

— А? — Я поднял глаза.

— Речь о Селине. Помните?

— Ну конечно.

Я разогнул скрепку и концом показал на нее.

— Хорошо бы чек в оплату за услуги.

— Конечно. — Она улыбнулась. — Сколько вы берете?

— Шесть долларов в час.

Она вынула чековую книжку, что-то нацарапала там, вырвала чек и кинула мне. Он спланировал

на стол. Я поднял его. Двести сорок долларов. Таких денег я не видел с тех пор, как угадал в экспрессе в Голливудском парке в 1988 году.

— Спасибо, леди...

— ...Смерть, — сказала она.

— Да, — сказал я. — А теперь чуть-чуть подробнее об этом так называемом Селине. Вы что-то говорили про книжный магазин?

— Он околачивался в магазине Реда, листал книжки... спрашивал о Фолкнере, о Карсон Маккалерс, о Чарльзе Мэнсоне...

— Околачивается в книжном магазине? Хм.

— Да, — сказала она, — вы знаете Реда. Любит выгонять людей из магазина. Можете истратить там тысячу долларов, потом задержитесь на лишнюю минуту-другую, и Ред скажет: «А не убраться ли тебе к чертям?» Ред хороший человек, но с приветом. Короче говоря, он все время вышвыривает Селина. Селин идет в бар Муссо и сидит там грустный. Через день-два приходит снова, и все повторяется.

— Селин умер. Селин и Хемингуэй умерли тридцать два года назад. Один и, через день — другой.

— Я знаю о Хемингуэе. Хемингуэй у меня.

— Вы уверены, что это был Хемингуэй?

— О да.

— Так почему вы не уверены, что Селин в самом деле Селин?

— Не знаю. Какой-то у меня с ним затор. Никогда такого не было. Может, я слишком долго в этом бизнесе. И вот пришла к вам. Бартон вас хвалит.

— И вы полагаете, что настоящий Селин жив? Он вам нужен?

— Ужасно, малыш.

— Билейн. Ник Билейн.

— Хорошо, Билейн. Мне нужна определенность. Что это в самом деле Селин, а не какой-то недоделанный хотень. Слишком много их развелось.

— Мне ли не знать.

— Так приступайте. Мне нужен лучший писатель Франции. Я долго ждала.

Она встала и вышла вон. Никогда в жизни я не видел такого зада. Не поддается описанию. Не поддается ничему. Не мешайте мне сейчас. Я хочу о нем подумать.

3

На другой день я отменил свое выступление перед Торговой палатой в Палм-Спрингсе.

Шел дождь. Потолок протекал. Дождь капал сквозь потолок — плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, и плям, и плям, и плям, плям, плям...

Я согревался с помощью сакэ. Но как согревался? До нуля градусов. Вот мне пятьдесят пять лет, а у меня нет горшка, чтобы подставить под капель. Отец предупреждал меня: кончишь тем, что будешь спускать в кулак. На чем-нибудь чужом крылечке в Арканзасе. Ну, время еще есть. Автобусы туда отправляются каждый день. Только у меня от них запор, и там всегда храпит какой-нибудь стар-

пер с вонючей бородой. Пожалуй, лучше заняться делом Селина.

Селин ли Селин или кто-нибудь еще? Иногда мне казалось, что не знаю даже, кто я такой. Ладно, я Ники Билейн. Но это не точно. Кто-нибудь заорет: «Эй, Гарри! Гарри Мартел!» И я, скорее всего, откликнусь: «Да, в чем дело?» В смысле — я могу быть кем угодно, какая разница? Что в имени тебе моем?

Жизнь — странная штука, правда? В бейсбольную команду меня всегда включали последним — знали, что могу запулить их паршивый мяч к чертовой матери в Денвер. Завистливые хорьки!

Я был талантлив, и сейчас талантлив. Иногда я смотрел на свои руки и видел, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. И чем же занимались мои руки? Чесали яйца, выписывали чеки, завязывали шнурки, спускали воду в унитазе и т. д. Прошляпил я свои руки. И мозги.

Я сидел под дождем.

Зазвонил телефон. Я вытер его насухо просроченным извещением из Налогового управления, поднял трубку.

— Ник Билейн, — сказал я. Или я Гарри Мартел?

— Это Джон Бартон, — раздалось в трубке.

— Да, вы меня рекомендовали, спасибо.

— Я наблюдаю за вами. У вас есть талант. Немного не отшлифованный, но в этом его прелесть.

— Приятно слышать. Дела идут плохо.

— Я наблюдал за вами. Все наладится, надо только потерпеть.

— Да. Чем могу служить, мистер Бартон?

— Я пытаюсь разыскать Красного Воробья.

— Красного Воробья? Что еще за птица?

— Я уверен, что он существует. Просто надо его найти, я хочу, чтобы вы его нашли.

— Ниточки какие-нибудь есть?

— Нет-нет, но я уверен, что Красный Воробей где-то там.

— У этого Воробья есть имя, или как?

— В каком смысле?

— В смысле — имя. Ну, Генри или Абнер. Или Селин?

— Нет, это просто Красный Воробей, и я не сомневаюсь, что вы можете его найти. Я в вас верю.

— Это будет стоить вам, мистер Бартон.

— Если найдете Красного Воробья, я буду платить вам сто долларов в месяц до конца жизни.

— Хмм... Слушайте, а может, дадите все вперед — чохом?

— Нет, Ник, вы спустите их на бегах.

— Хорошо, мистер Бартон, дайте мне ваш номер телефона, и я этим займусь.

Бартон дал мне номер телефона и сказал:

— Я очень на вас надеюсь, Билейн.

И повесил трубку.

Так, дела пошли на лад. Но потолок протекал еще сильнее. Я стяхнул с себя несколько капель, врезал сакэ, скрутил сигаретку, зажег, вдохнул и

закашлялся от дыма. Потом надел мой коричневый котелок, включил автоответчик, медленно подошел к двери, открыл ее... Там стоял Маккелви. У него была широченная грудь и плечи, словно подбитые ватой.

— Твоя аренда кончилась, гнида! — рявкнул он. — Выметайся отсюда в жопу!

Тут я обратил внимание на его брюхо. Оно напоминало мягкую гору дерьма, и кулак мой утонул в ней. Маккелви согнулся пополам, я встретил его лицо коленом. Он упал, откатился в сторону. Отвратное зрелище. Я подошел, вытащил его бумажник. Фотографии детей в порнографических позах.

«Не убить ли его», — подумал я. Но вместо этого взял его кредитную карточку «Золотая виза», пнул его в зад и спустился на лифте.

Решил пойти в магазин Реда пешком. Когда я на машине, меня вечно штрафуют за неправильную парковку, а платные стоянки мне не по карману.

Я шел к Реду в угнетенном настроении. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Болтаешься и ждешь. Ждешь маршрута А. Августовским вечером ждешь пару больших грудей в гостиничном номере Лас-Вегаса. Ждешь, когда заговорит рыба. Когда свистнет рак. Болтаешься.

Ред был на месте.

— Тебе повезло, — сказал он, — разминулся с этим пьяницей Чинаски. Приходил тут, хвастался своей новой серией марок.

— Это ладно, — сказал я. — У тебя есть подписанный экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера?

— Конечно.

— Сколько стоит?

— Две тысячи восемьсот долларов.

— Я подумаю...

— Прощу прощения, — сказал Ред.

Он повернулся к человеку, листавшему первое издание «Домой возврата нет»:

— Пожалуйста, поставьте книгу в шкаф и уберите к чертовой матери!

Это был хрупкий человечек, весь согнутый. И одет в какой-то желтый резиновый костюм.

Он поставил книгу в шкаф и прошел мимо нас к двери; глаза у него были на мокром месте. А дождь на улице перестал. Желтый резиновый костюм был ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

— Можешь представить, некоторые из них приходят сюда, облизывая мороженое!

— Могу представить себе кое-что похуже.

Тут я заметил, что в магазине еще кто-то есть. Он стоял в глубине. Я, кажется, узнал его по фотографиям. Селин. Селин?

Я медленно подошел к нему. Совсем близко. Уже мог разглядеть, что он читает. Томас Манн. «Волшебная гора».

Он увидел меня.

— У этого парня проблема, — сказал он, подняв книгу.